

РИСК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

*О.Н. ЯНИЦКИЙ***Россия как общество риска:
методология анализа и контуры концепции***

Вычисление рисков, чем западная социология занимается с конца XIX в., а в последние десятилетия – и российская, и разработка концепции "общества риска" суть принципиально разные задачи. В первом случае речь идет об определении степени вероятности негативных последствий конкретного социального действия (решения, программы), тогда как во втором – о концептуальном осмыслении общественного развития как принципиально рискогенного, то есть производящего одновременно блага и бедствия.

В западной социологии концепция общества риска была впервые сформулирована У. Беком [Beck, 1992; 1994; 1995; 1996; 1999], отдельные ее элементы разрабатывались им совместно с другими социологами [Beck, Giddens, 1994; The Risk... 2000]. Однако речь шла о рисках общества, переходящего к стадии высокой модернизации, тогда как в России еще не завершена фаза простой модернизации, осложненная процессами демодернизации.

Данная статья является итогом систематического изложения основ концепции общества риска применительно к российской действительности "переходного периода", которую я разрабатывал начиная с 1994 г. [Яницкий, 1994; 1997; 1999; 2001; 2003; Россия... 1998; Yanitsky, 2000]. Ее задача – попытка экспликации всего пройденного пути: от изложения методологических основ рискологического анализа к построению российской версии общества риска и далее к анализу конституирующих элементов этого общества.

Методологические основания

Социология риска рассматривает "последствия" социального действия как одну из центральных проблем научного анализа. Тем самым эта дисциплина расширяет методологическую рамку своего интереса, имея концептуальной задачей изучение всей совокупности производства благ и бедствий, действий и последствий, решений и их результатов – как явных, так и недоступных (пока) социологическому анализу. Созидание и разрушение трактуются социологией риска как *норма* общественного производства.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 01-03-00257а).

Более того, я полагаю, что всякое общественное производство имеет двойственную, созидательно-разрушительную природу. "Общество риска" – это такой взгляд на характер созидания общественной жизни, когда производство благ и бедствий, достижений и потерь трактуются как две – онтологически и гносеологически – равнозначные стороны данного процесса. Не "прогресс" и его "социальные последствия", а порождение риска каждым социальным действием, каждым актом производительной деятельности человека.

Поэтому потенциально всегда существуют две возможности, две траектории – накопления и растраты, подъема и спада, позитивных и негативных социальных изменений, в конечном счете эволюции и деволюции. Отсюда, теоретически, существуют два качественно различных типа переходного общества: *созидательный* и *разрушительный*. В обоих производство богатства и рисков идут бок о бок. Однако способ этих производств резко различен. Общества созидательного типа, несмотря на риски и опасности, осуществляют переход к высокой (не обязательно западного типа) модернизации, наращивают свой творческий потенциал. Общества противоположного типа отмечены прогрессирующей демодернизацией. Расходуя и просто расхищая свой креативный потенциал и ресурсы, необходимые для жизни, подобные общества становятся периферией глобального социального пространства или могут вообще исчезнуть с исторической арены. Методологически социология риска исходит также из того, что опасность, риск могут быть как результатом эволюции общественной системы, постепенно накапливаемых ею негативных изменений, так и продуктом целенаправленного конструирования и манипулирования.

Концепция общества риска придает фундаментальное значение *среде обитания* человека во всех ее измерениях. Чем интенсивнее мир будет глобализоваться, тем большую роль среда станет играть в процессах социального производства и воспроизводства. Среда жизни не инертна: риски, носителями которых могут быть как природные вещества и процессы, так и социальные акторы, попадая в среду, мигрируют в ней, накапливаются, трансформируются и возвращаются к человеку в форме новых вызовов к устоявшимся практикам и социальному порядку. В известном смысле общество риска можно определить как общество "средовых вызовов и императивов". Поэтому, акцентируя значение детерминации будущего – прошлым, социального действия – социокультурной средой, данная концепция методологически является социоисторической и антимодернистской.

Социология риска трактует анализируемые структуры и процессы как *вероятностные*. Абсолютного блага не существует – всегда есть *цена достижения* конкретного блага. Способна ли сегодня социология (во взаимодействии с другими науками) вычислять цену конкретных рисков – этот вопрос остается открытым. Поскольку никто не обладает абсолютным знанием обо всех рисках и разные социальные группы имеют свои приоритеты, а связанные с ними эксперты дают различные прогнозы относительно масштаба возможного ущерба, в решениях, принимаемых политиками, всегда заложен риск.

Вероятностный подход, лежащий в основе концепции, означает, что сегодня никакие проблемы не могут быть решены "полностью и окончательно". Соответственно, никакой социальный порядок, никакая модель общественного устройства не могут трактоваться как устойчивые и тем более как идеальные. Происходящие у нас на глазах трансформации зрелых, веками устоявшихся демократических режимов, равно как и метаморфозы российской демократии, – лучшее тому подтверждение.

Процесс глобализации лишь усиливает растущую неопределенность, неоднозначность условий человеческого существования. В самом деле, в каком мире мы живем? Ни мира, ни войны, или одновременно – и мир, и война? Но что это за мир, когда природные и рукотворные катастрофы уносят тысячи жизней? И что это за война, которая не объявляется и ведется параллельно с поставками гуманитарной помощи? По каким правилам живем: по закону или "по понятиям"? Помогают ли старые практики адаптироваться к стремительно изменяющимся состояниям среды

человеческого обитания? Или же адаптация отождествляется с "выживанием", когда любые средства хороши? Социологии еще предстоит как-то квалифицировать это состояние перманентной неопределенности условий человеческого существования. На мой взгляд, это и есть та новая социальная реальность всепроникающего и всеохватывающего риска, в которую вступает наше общество. Обратная сторона этого состояния – коллективная безответственность, невозможность вычисления конкретного виновника риска.

В глобализирующемся обществе риска существенно возрастает *цена времени* как параметра любого социального действия. Нельзя переждать, перетерпеть проблемы, этим обществом порождаемые. Чем дольше оттяжки, бездействие, – неважно, вызваны они недостаточным знанием о риске, сопротивлением риск-производителей, бюрократическими проволочками или отсутствием надлежащих ресурсов, – тем выше плата за риск. Поэтому необходима постоянная и интенсивная рефлексия, всесторонняя оценка, конструирование новых средств защиты. Проблема времени имеет также и культурное измерение. Мы привыкли говорить о культуре как хранилище ценностей, знаний, умений, то есть интеллектуальных и моральных благ. В условиях нарастающей скорости перемен *культура просто не успевает дать ответ на вызовы*, порождаемые все новыми рисками. И тогда культура отстывает, "санкционируя" архаичные ценности и силовые практики.

Еще одна проблема, к которой подводит нас рискологический анализ. Стихийные бедствия, техногенные аварии и затяжные вооруженные конфликты порождают *гуманитарные катастрофы* – ситуации, когда сообщества людей не способны прокормиться собственным трудом и могут существовать только за счет притока извне ресурсов, технологий, ноу-хау и т.д. Это вызывает необходимость интерпретировать и исследовать гуманитарные катастрофы как специфический тип социального порядка и образа жизни. На мой взгляд, появление наряду с "оазисами" модернизации скрытых и явных зон гуманитарных катастроф есть прямое подтверждение моего основного тезиса о принципиальной двойственности процессов социальных изменений.

Доминирующий взгляд на мир

Сегодня в российском обществе нет консенсуса относительно базовых ценностей и целей. Нет и согласованного проекта будущего. Мир представляется потенциально опасным, состоящим из враждующих группировок. Уровень доверия к государственным структурам низок. Защиту может обеспечить только принадлежность к "своим". Отсюда – основополагающей нормативной моделью общества является безопасность, выживание, сохранение накопленного или ранее приобретенного. Интеграция достигается прежде всего на путях поиска общего врага, то есть практикуется "осуждающая модель опасности".

Важная составляющая доминирующего взгляда на мир – императив управляемости. В обществе риска политика все более превращается в манипулирование обществом, ресурсами которого выступают экономическое или силовое принуждение, блокирование самоорганизации снизу. Для собственно политической жизни характерны крайний цинизм, равнодушие власть предержащих к гарантиям личных прав и свобод всех остальных. В повседневных практиках большинства групп населения преобладают потребительский и перераспределительный мотивы. Трудовая этика в массе населения утеряна: благополучие приносят связи, знакомства, удача, наконец, принуждение и насилие, но не повседневный напряженный труд. Созидание как основополагающая форма социального действия и, следовательно, как социально-историческая категория, теряет смысл. Источники ресурсов видятся не в инвестициях или мобилизации интеллектуального потенциала, но в (силовом) перераспределении уже кем-то "приватизированных" ресурсов.

Названные и другие компоненты существующих в российском обществе взглядов на мир не являются результатом углубленной рефлексии. Они или заимствованы на

Западе (либерализация), или же извлечены из советского (всеобщая управляемость) или российского ("державность") духовного арсенала.

Наконец, культура новой России рискогенна в том смысле, что не успевает осваивать стремительно меняющуюся ситуацию. Чтобы "успевать", необходима интенсификация процессов *социокультурной рефлексии и рефлексивности*. В нашем случае социокультурная рефлексия – это перманентное критическое осмысление меняющейся ситуации и публичный *диалог* по поводу современного состояния общества. Под рефлексивностью мы подразумеваем трансформацию старых и возникновение новых социальных акторов и институтов в ответ на "вызовы" общества риска. Слабость большинства новых социальных движений – признак критически отстающей рефлексивности.

Другая сторона той же проблемы и одна из главных причин формирования этого общества состоит в неспособности его правящей элиты к критическому и концептуальному мышлению. Еще одна грань рискогенности культуры новой России состоит в том, что отчужденность, заброшенность маленького человека, став нормой его жизни, еще не получила адекватного культурного "ответа". Даже Чернобыль, шоковая терапия, дефолт и другие мегариски последних десятилетий все еще осваиваются "человеком улицы" в терминах *традиционной культуры* – как беды, несчастья и напасти.

Реакцией на реформы становится новая утопия, когда человек ментально стремится вернуться назад, но не в тоталитарное прошлое, а в то почти идеальное "промежуточное" состояние, когда цензуры и слежки уже нет, а приватизация и развал еще не начались. Речь идет о классической ситуации "между", которую А. Ахиезер считает одним из главных признаков раскола русского общества. Однако, как я полагаю, дело здесь не столько в вечно расколотой русской культуре, сколько именно в стремлении к нормальной, устойчивой, предсказуемой жизни, которую в 1980-е гг. советский народ в массе своей уже опробовал на практике.

Способ производства

Производство рисков как потенциальной угрозы и как реально нанесенного вреда имеет свой порядок, свою, по выражению Ч. Перроу, "вторичную нормальность". Процессы общественного производства и воспроизводства рисков всеобщи (всеохватывающи) именно потому, что замыкаются через среду – природную, техническую, социальную. Еще в середине XX в. многим казалось, что можно успешно "разводить" производство "полезностей" и "отходов", благ и бедствий, катастрофы и рутину повседневности, военные действия и мирную жизнь. Пространственное и социальное обособление оазисов "процветания" и "остальной территории", мира богатых и бедных представлялось нормальным. Современный же мир конечен, неразделим и взаимопроникаем. Постоянно производимые обществом "последствия" никуда не исчезают – перемещаясь, накапливаясь, трансформируясь, они в совокупности формируют среду жизни настоящего и будущего поколений, от которой нельзя спрятаться. Историческая эпоха "дистанцирования" закончилась. Дихотомия "производство – отходы" оправдана лишь с частной, утилитаристской точки зрения.

Анализ показывает, что производство рисков не только имманентно всякому виду общественного производства – оно является прибыльным делом, мотивом, ресурсом и орудием борьбы конкурирующих групп. Производство рисков стало не только инструментом борьбы кланово-корпоративных структур, но превратилось в ценность и в предмет торговли между бюрократией и частными агентами этого производства. Однако производство рисков субстанционально *асимметрично*. Легче сделать ошибку, нежели ее исправить. Сиюминутная выгода, как правило, оборачивается длительными и дорогостоящими потерями. Это касается всех сторон общественного производства. Можно "уйти в тень", спрятать криминальный бизнес под "крышей", но выход оттуда гораздо более труден и долгов [Волков, 2002; Радаев, 2002]. Можно

сконструировать оружие массового поражения, но потом столкнуться с проблемами, связанными с его длительным хранением и, что еще сложнее, с попытками избавиться от него "окончательно".

Для описания тектонических социальных сдвигов "переходного периода" я считал необходимым ввести понятие *энергия социального распада*. Дезинтеграция советского государства-общества сопровождалась выделением гигантских масс такой энергии. Эта энергия суть массовые действия, разрушающие социальный порядок, его нормативно-ценностную и институциональную структуры. Выделение энергии распада – актуализация социального риска в форме неконтролируемых действий атомизированных либо политически сконструированных социальных акторов. Эмпирически эта энергия существует в форме возникновения и распространения все новых групп риска: вынужденных переселенцев, беженцев, бездомных, безработных, носителей афганского, чеченского и других синдромов. Она связана с действиями "неопознанных вооруженных формирований", а также проявляет себя в виде межэтнических конфликтов, локальных войн, криминальных разборок, заказных убийств и массового терроризма.

Теоретически эмиссия этой энергии есть процесс, противоположный мобилизации ресурсов. Если креативное социальное действие требует мобилизации "полезных" ресурсов (людских, финансовых, информационных), то распад как деструктивное действие есть превращение этих ресурсов и их носителей в "отходы", рассеивание в среде. Если мобилизация "полезных" ресурсов ведет обычно к повышению уровня организованности коллективного социального актора и социума в целом, то выброс энергии распада есть признак резкого снижения данного уровня, а в пределе – превращение этого актора в "отходы", в "ноль организованности". Распад сложившихся систем жизнеобеспечения привел к утере "онтологической безопасности" (Э. Гидденс) постсоветского человека, породил всеобщее недоверие и страх: повседневная жизнь становилась все более ненадежной и непредсказуемой.

Характеристикой российского общества риска является демодернизация, которая может быть результатом как сознательно разрушающих действий, так и самораспада некоторой организации (института) вследствие резкого изменения условий ее существования. Во всех случаях на начальном этапе выживают архаические социальные структуры. В самом деле, в ходе реформ первыми в России деградировали структуры "всеобщего труда" – наука и высокие технологии. За ними последовала индустрия – городская и сельская. Затем – городские и иные социальные и социотехнические структуры. Однако слой кланово-корпоративных структур, прежде всего тех, кто владел источниками сырья или имел к ним доступ, не только сохранился, но значительно расширился. Демодернизация так же рискогенна, как и форсированная модернизация. Фундаментальная закономерность развития современной техногенной цивилизации состоит в том, что чем более мир нашей жизни становится рукотворным, тем более он нуждается в уходе, "профилактике", поддержании его в рабочем состоянии.

Социальный порядок

Коль скоро производство рисков в широком смысле слова прибыльно, оно должно быть защищено. Акторы, производящие риски, стремятся создать нужный им социальный порядок, который затем пытаются навязать обществу. Риск-потребители понуждаются к игре по правилам риск-производителей. Новейшая российская история подтверждает эту закономерность: вспомним ваучерную приватизацию, законы о разделе продукции или ввозе отработанного ядерного топлива, дефолт, экономическое и правовое ограничения гражданских инициатив и социальных движений и т.д. Устанавливаемый таким образом социальный порядок, в частности, способствует конвертированию энергии распада в теневые и криминальные структуры, поскольку они по-своему защищают человека и дают ему шанс на выживание.

Еще один важный момент. Риск-производители склонны рассматривать конкретные территории и населяющие их общности как *ресурсные ареалы*, то есть как источники власти и богатства, тогда как риск-потребители видят в своих городах и поселках прежде всего *пространства, необходимые для жизни*. Формирующийся новый порядок не ориентирован на защиту рядовых граждан и обеспечение их витальных потребностей, поскольку этот порядок есть результат движения и закрепления во властных структурах производителей риска. Поэтому и в сознании властвующей элиты, и в массовом сознании социальный порядок чаще отождествляется с принуждением и насилием, нежели с законом. Что конкретно имеется в виду?

Во-первых, всякий социальный порядок зиждется на "абстрактных системах" и доверии к ним (Гидденс). Если каждый раз эти институты и правила конструируются самими игроками "по случаю", то такого рода неформальные отношения разрушают социальный порядок. Во-вторых, суть и содержание подобных неформальных отношений – архаика, но архаика специфическая (теневая, криминальная, коррупционная). Конечно, формальные институты и писанные законы в России существуют, но их реальное действие ситуативно, то есть подчинено сиюминутным интересам действующих акторов. В обществе риска *утилитаризм* становится главенствующим принципом организации социального порядка и поддерживающих его институций.

В-третьих, в обществе риска нарушен сам механизм формирования социального порядка: социальная рефлексивность общества, под которой понимается критика этого порядка "изнутри", посредством формирования социальных движений и их активного участия в политических процессах, очень слаба. Превращение выборов в торг населения с властями – один из индикаторов этой ситуации.

В-четвертых, сегодня социальный порядок в России находится под давлением внешних сил. "Периферийная" и вечно в чем-то виноватая Россия не просто устраивает транснациональные корпорации и международные финансовые институты. Подобный образ государства и общества становится поводом для дальнейшей реконструкции российских порядков по образцам, навязываемым странами "золотого миллиарда".

В-пятых, в социальном порядке общества риска всевозрастающий вес приобретает его *кризисная, чрезвычайная составляющая*. Теракты и катастрофы становятся настолько перманентными, что в мирное время социальный порядок все чаще обеспечивается чрезвычайными мерами и средствами. Почти каждое мирное массовое событие (религиозный, гражданский или профессиональный праздник, спортивное мероприятие, государственный визит, избирательная кампания) обставляется как "чрезвычайное". Соответственно, идет быстрое наращивание мускулов "чрезвычайных" министерств и ведомств.

Крайней формой устанавливаемого порядка в обществе риска является *критический социальный порядок* как полное разрушение "нормального" образа жизни и регулирующих его легальных практик. Критический порядок есть совокупность силовым образом приватизированных социальных порядков. Слабость легитимных социальных институтов, всеобщий страх и недоверие, превращение непосредственной среды жизни в опасную и враждебную – главные детерминанты данного порядка. Критический социальный порядок также двойственен: порождая страх и апатию, он одновременно представляет собой почву для накопления разрушительного потенциала.

Раздвоение социального порядка на светлый и теневой, мирный и чрезвычайный, легальный и "по понятиям" постепенно *размывает различие между нормой и патологией*. Из среды, им созданной, этот порядок проникает внутрь личности, поражая ее сознание и дезорганизуя поведение. "Беспорядок", проникший в ценностное ядро личности, ведет к ее освобождению от моральных ориентиров и этических ограничений. Если учесть, что в обществе риска порядок поддерживается негативными социально-психологическими факторами – правовым нигилизмом, страхом, усталостью, недоверием, то дальнейшая приватизация и "силовизация" этого порядка выглядит весьма реальной.

Было введено понятие *консервирующей или негативной стабилизации*, под которой подразумевается разновидность политики, имеющей целью сохранение целостности общества путем перехода на более низкий уровень социальной организации. В России негативная стабилизация общества была способом уменьшения эмиссии энергии распада путем традиционной, а чаще архаичной самоорганизации отдельных ячеек общества. Вместе с тем привыкание к жизни в экстремальных условиях, каждодневная борьба за выживание создают чрезвычайно высокий уровень *социально-приемлемого риска*: люди становятся все менее чувствительны к критическому состоянию общества в целом.

Наконец, со времен Аристотеля представление об общественном порядке связывалось с понятием общественного блага. В обществе риска само представление об общественном благе становится весьма проблематичным, поскольку существенной функцией риска является *торговля общественной безопасностью*, которая продается частным потребителям за деньги. В обществе риска общественное благо не является способом гарантии общественной безопасности или формой социальной защиты, равно как и не обеспечивает равенство граждан перед законом. В этих условиях общественное благо представляет собой конкретное ограниченное благо, предоставляемое клиенту за плату некоторой теневой структурой, которая узурпировала это право [Клямкин, Тимофеев, 2000].

Изменение социальной структуры

Коль скоро производство рисков прибыльно, принося богатство и власть, то общество приобретает новый стратификационный признак: оно разделяется на производителей и потребителей рисков. Одни общности или социальные группы извлекают пользу из производства рисков, другие же подвергаются их негативному воздействию. Кроме того, уделом потребителей рисков становится иная "польза": льготы или компенсации за потерянное здоровье, за вынужденную жизнь в рискогенной среде.

Другой источник изменения социальной структуры – эмиссия энергии распада, которая трансформируется в общности "лишних" людей, как мирных, так и агрессивных, стремящихся любыми средствами вернуть себе утерянный социальный статус и достойные условия жизни. Причем процесс этот носит самонаводящий характер: унижение порождает насилие, на "зачистки" отвечают террором, формированием террористических групп и т.п.

Вместе с тем, как показал Бек [Beck, 1992], производство рисков "демократично": в конечном счете оно поражает тех, кто наживался на их производстве или же считал себя от них защищенным. Иными словами, не только в индустриально развитых странах Запада, но и в России производство рисков – фактор изменения социальной структуры общества, перестройки ее по критерию места человека или группы в системе производства рисков, а также по качеству среды обитания, которое данное производство формирует. Это, в свою очередь, ведет к изменениям в расстановке политических сил, появлению новых идеологических доктрин и т.д.

Одним из структурных результатов функционирования общества риска является формирование риск-солидарностей. Солидарность производителей риска может быть определена как общность людей, силовым образом "приватизирующая" национальные природные ресурсы и воспроизводственные структуры общества, включая социальный порядок, в своих эгоистических интересах. Эти риск-солидарности носят агрессивный, экспроприрующий характер уже хотя бы потому, что их первичный финансовый, социальный, политический и иной капитал был создан силовым образом. Нелегитимность и насилие здесь – ключевые понятия, потому что подобные солидарности создаются скрыто, при помощи средств принуждения, мобилизуют ресурсы для своего воспроизводства нелегальными способами и "защищаются" при помощи принуждения, основанного на насилии или его угрозе.

Солидарности жертв риска – общности, по большей части носящие альтруистический характер, поскольку защищают здоровье и безопасность не только собственную и своих близких, но некоторой группы или общности и даже общества в целом. Это – общности "ответа" на вызов со стороны риск-производителей. Подобные общности, как правило, создаются "снизу", защищают сложившийся социальный порядок, действуют в рамках закона и мобилизуют наличные человеческие ресурсы для достижения своих целей. Сегодня в России эти солидарности уже достаточно многочисленны, но разрозненны, не имеют массовой поддержки и политического представительства. Однако важно, что все большее число индивидов и групп склонно идентифицировать себя с "жертвами риска", хотя внешне это может выражаться в иных терминах и самооценках – бедности, бесправности, униженности, заброшенности. Не менее важно, что в российском обществе подспудно идет поиск новых форм коллективности, которые бы обеспечили человеку и его близким большую безопасность повседневной жизни. А отсюда уже недалеко и до участия в новых формах социального протеста.

Между названными "полюсами" – множество видов и подвидов. Есть группы и сообщества, главным занятием которых является конструирование рисков с целью нанесения ущерба другим. Другие общности, изменяя уклад жизни, приспосабливаются к рискогенной среде. Наконец, растет число общностей, которые пытаются ответить на вызовы общества риска. Однако этот ответ может быть самым разным: обособление от общества, его пассивное отрицание или создание "школ выживания" и групп взаимопомощи.

Наконец, для данного общества характерны *негативные солидарности*. Негативная солидарность есть противоестественная общность людей. Противоестественная потому, что она основана на вынужденной (в целях самосохранения) взаимной поддержке риск-производителей и риск-потребителей, то есть людей с противоположными интересами и ценностями, равно как и с различным социальным статусом.

Состояние среды и повседневные практики

Длительное невнимание общественных наук к двойной, созидательно-разрушительной природе общественного производства, исключение проблемы его потенциальной и актуальной рискогенности из сфер государственной политики и научной рефлексии привели сегодня к тому, что риски и опасности, десятилетиями сбрасываемые в среду обитания и накапливаемые там, стали серьезным препятствием на пути реформирования российского общества.

Эта среда не пассивна и пространственно не замкнута. Будучи интегральной частью процессов общественного производства, она сама все более превращается в производителя и распространителя рисков. Вообще средовые риски – всепроникающие, мигрирующие, накапливаемые и, главное, трансформирующиеся непредсказуемым образом – наиболее трудно преодолеваемое наследие прошлого. Негативные "побочные эффекты" прошлой деятельности, аккумулированные в среде обитания, все более детерминируют современное состояние российского общества.

Слово "среда" следовало бы написать с большой буквы, потому что нет в современном мире – ни теоретически, ни практически – разделения на среду природную, техногенную и социальную. Природа социализирована, социальная жизнь технизирована, технологии все более биологизируются, очеловечиваются и т.д. Поэтому только условно и в сугубо аналитических целях можно разделять эти понятия. Иначе чем нашим невниманием к строгости собственно теоретического мышления нельзя объяснить употребление в трудах иных профессионалов бессмысленного словосочетания "окружающая среда".

Теоретически и практически важно, что среда конкретного общества всегда обладает некоторым запасом прочности (поглощающей способности), позволяющей аккумулировать "сбрасываемые" в нее риски без изменения принципов ее организации и функционирования. Эту устойчивость среды, ее резистентность к негативным

внешним воздействиям я называю *несущей способностью*. Перед началом российских реформ несущая способность собственно социальной среды была достаточно высока. Несмотря на давление и импульсы унификации, постоянно исходившие от партийно-государственной машины, эта среда советского общества была к тому времени уже достаточно разнообразной, хорошо структурированной и имела несколько степеней социальной защиты.

Однако по мере углубления реформ два процесса развивались параллельно: "сбросы" рисков в социальную среду росли, а ее несущая способность истощалась вследствие интенсивной эксплуатации ее ресурсов и отсутствия средств ее воспроизводства. В конце концов эта среда, состоящая из множества хрупких микромиров, межперсональных общностей, идентификаций и солидарностей, соединенных паутиной слабых взаимодействий, рухнула под напором названных процессов. Порог несущей способности этой среды был преодолен, что имело несколько последствий. Прежде всего, социальная среда перестала играть роль поглотителя рисков. Напротив, интенсивно атомизируясь, она стала источать их во всевозрастающих масштабах. Далее, атомизированная среда явилась ресурсом для быстрого распространения влияния старых и формирования новых солидарностей производителей рисков (теневых, криминальных и других патогенных структур). Наконец, интенсивное формирование общностей, целиком зависимых от притока ресурсов с Запада и поэтому не укорененных в российской среде, также стало потенциальным источником рисков.

Это означает, что ныне социальная среда российского общества обладает значительным контрмодернизационным потенциалом, препятствующим реализации любой стратегии реформирования государства и общества. Одни стали частью этой среды поневоле (безработные, беженцы, вынужденные переселенцы), других она уже затащила сама (бомжи, алкоголики, наркоманы, проститутки, носители афганского, чеченского и иных синдромов), третьи – просто сопротивляются переменам, потому что никому не верят, четвертые – используют "лишних людей" в своих криминальных интересах и т.д.

Социальная среда активно участвует в процессах социальной селекции. Под их воздействием постепенно изменяется качественный состав населения: уходят (эмигрируют, дисквалифицируются, болеют, умирают) его лучшие элементы и остаются жить и плодиться худшие. Как писал в свое время П. Сорокин, «"элементы морально чистые" не могут отказаться от выполнения своего долга», что "усиливает риск гибели таких людей" [Сорокин, 1994, с. 423, 424]. Результат – ухудшение качества российского социума.

Наконец, рискогенные среды имеют тенденцию к институционализации. "Крыша" – первичный элемент такой институционализации. Затем появляются новые агенты – теневые купцы, банкиры, адвокаты, посредники, быстро растет теневая рабочая сила. Постепенно складывается теневое контрактное право, возникает теневая юстиция, в конечном счете формируются "теневой порядок" и институт "теневой безопасности".

Вектор социальной динамики

Суммируя сказанное, можно заключить, что российское общество постепенно трансформируется в "общество всеобщего риска". В самом деле, производство и распространение рисков приобретают всеохватывающий и экстерриториальный характер, овладевая в равной мере индустриальной системой, социальными институтами, повседневной жизнью и биосферой. Несущая способность систем жизнеобеспечения населения многократно превышена.

Коль скоро социальная жизнь обременена нарастающей чередой больших и малых рисков, ожидание опасности, рискозависимость становятся нормами повседневной жизни. Привыкание к жизни в экстремальных условиях и чрезвычайно высокий уровень социально приемлемого риска суть две стороны одной медали. Ответом на

этот вызов является всемерное усиление *защитных структур* на всех уровнях – от индивида и группы до общества и государства. Поэтому не развитие, а безопасность все более становится ориентиром деятельности социальных акторов и социальных институтов.

Однако бремя рисков прошлого и новые глобальные вызовы настолько масштабны, неотложны и структурно новы (например, сетевая организация международных террористических организаций), что государство не способно поддерживать системы жизнеобеспечения граждан даже в относительной безопасности. Управление рисками превращается в "тушение пожаров", в деятельность по ликвидации череды катастроф и чрезвычайных ситуаций. Обратная сторона этого процесса – сокращение материальных и интеллектуальных ресурсов прежде всего на научные исследования и разработки, необходимые для адекватной рефлексии по поводу собственной динамики.

По моему глубокому убеждению, пока в России никакой "догоняющей" или "рецидивирующей" [Наумова, 1999] модернизации нет. Нет даже проекта такой модернизации, не говоря уже о ее идеологии. Есть очевидные результаты по стабилизации текущей ситуации, но за счет продолжения демодернизации, традиционализации и восстановления политических структур, весьма напоминающих советские времена. В итоге ключевой характеристикой общества всеобщего риска является опасный сдвиг к "перемене знака": производство рисков угрожает нивелировать производство общественного богатства, будь то здоровье общества или его интеллектуальный потенциал.

Это, в свою очередь, указывает на присущий властвующей элите характер социальной рефлексии. Главный ее недостаток – неспособность к концептуальному мышлению, эклектическое заимствование западных рецептов и схем. Кроме того, ей также присуще отсутствие интереса к углубленному анализу прошлого многонациональной страны, к критическому осмыслению собственных решений. "Радикальное сомнение" (Бек) не присуще этой элите. Напротив, ее мышление часто архаично, что проявляется в его крайней дихотомичности, в приверженности к чрезвычайно политизированным решениям, опирающимся на веру во всемогущество административного ресурса и "черный пиар".

Эту рефлексию можно охарактеризовать и как технократическую, инструментальную, полностью пренебрегающую ценностной, этической стороной осуществляемых реформ (судорожные поиски национальной идеи в недавнем прошлом, как известно, провалились). Наконец, рефлексия, присущая правящей элите, ограничена и в том смысле, что не создала стратегии существования России в формирующейся системе глобального миропорядка. "Оборонное" сознание вновь актуализировалось: внутренние и внешние риски предполагается нейтрализовывать путем возведения все новых защитных структур. Необходимость трансформации *самой модели социальных изменений*, позволяющей снизить уровень рискогенности в обществе, не обсуждается.

Представляется, что сегодня российское общество подошло к некоторому качественному рубежу, когда норма и патология не только все более взаимопроникают, но и меняются местами. Это порождает кризис личностной идентификации. В самом деле, если диплом – фиктивный, справка о здоровье и работе – липовая, а сама работа и вся повседневная жизнь – "с двойным дном", то кто же тогда "Я"? Здоровый и больной, честный и вор, законопослушный гражданин и член криминального сообщества – и все это одновременно? Человек не может бесконечно вести двойную жизнь, оставаясь цельной личностью. Рано или поздно эта двойственность проникает внутрь человеческого "Я" и раскалывает его. Но такое состояние не может продолжаться долго, когда речь идет о личности деятельной, активной. И тогда в сухом остатке оказывается опять же "беспредел", но *беспредел внутренний* как отказ от нормальной трудовой этики и общепринятых моральных устоев.

Общий вывод заключается в том, что теневые отношения, коррупция, криминал, загрязнение среды обитания – эти и другие риски суть неизбежные спутники социальной динамики всякого общества. Весь вопрос в том, какое место они занимают в данной динамике и как общество к ним относится. Если эта динамика осуществляет

ся в рамках социального порядка, основой которого являются мораль и право, и если это общество рефлексирует по поводу названных рисков, складывается одна картина. Если же основа динамики – жизнь "по понятиям" и значительная часть общества считает это нормальным, то такое общество и есть общество всеобщего риска. Перед Россией стоит гигантская по трудности задача: не только затормозить, а затем и преодолеть сложившуюся социальную динамику, но и изменить отношение активного большинства общества к ней. Справится ли общество с нею, покажет время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков В.В.* От преступных группировок к региональным бизнес-группам // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики. М., 2002.
- Клямкин И.М., Тимофеев Л.М.* Теневая Россия. Экономико-социологическое исследование. М., 2000.
- Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999.
- Радаев В.* Российский бизнес: на пути к легализации? // Вопросы экономики. 2002. № 1. Россия: риски и опасности "переходного" общества. М., 1998.
- Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994.
- Яницкий О.Н.* Альтернативная социология // Социологический журнал. 1994. № 1.
- Яницкий О.Н.* Модернизация в России в свете концепции "общества риска" // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М., 1997.
- Яницкий О.Н.* Россия как общество риска: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.
- Яницкий О.Н.* Социология риска. М., 2003.
- Яницкий О.Н.* Экологическая социология как риск-рефлексия // Социологические исследования. 1999. № 6.
- Beck U.* Ecological Enlightenment. Essays on the Politics on the Risk Society. New Jersey, 1995.
- Beck U.* The Reinvention of Politics: Towards a Theory of Reflexive Modernization // *Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford (Call), 1994.
- Beck U.* Risk Society and the Provident State // Risk, Environment and Modernity: Towards a New Ecology. London, 1996.
- Beck U.* Risk Society. Toward a New Modernity. London, 1992.
- Beck U.* World Risk Society. Malden (Mass.), 1999.
- Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive Modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford (Call), 1994.
- The Risk Society and Beyond. Critical Essays for Social Theory.* London, 2000.
- Yanitsky O.* Sustainability and Risk. The Case of Russia // Innovation. The European Journal of Social Sciences. 2000. Vol. 13. № 3.